

Слово митрополита Илариона в пресвитерианской церкви в Далласе (США), 13 февраля 2011 г.

«Бога не видел никто никогда; Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил» (Ин. 1, 18) — слова эти имеют поистине глубокий, вселенский смысл, потому что, действительно, Бога Отца — невидимого Бога, Который не имеет материального тела, материальной формы, человеческими глазами не видел никто никогда. Но для того, чтобы люди укрепились в вере в Бога, чтобы они познали, что Бог не только действительно существует, но что Он слышит их молитвы и готов приходить к ним на помощь, Бог Отец послал Сына Своего Единородного, Который стал Богом воплотившимся и явил нам невидимого Бога Отца. Именно после воплощения слова Божия, после того как Бог стал одним из нас, прожил человеческую жизнь, пострадал и умер на кресте, воскрес из мертвых, чтобы открыть нам путь в Царствие Небесное, воскресить нас вместе с Собою, люди по-настоящему узнали Бога.

До пришествия в мир Христа люди не знали, что Бог может быть настолько близок к человеку, настолько солидарен с ним. Не знали, что Он настолько любит человека, что готов ради каждого из нас принять страдание и смерть. Он Сам преодолел ту дистанцию, которая отделяет нас от Него, и которую мы своими силами никогда не смогли бы преодолеть. Нет более сильного свидетельства о любви Бога к человеку, чем крест, на котором был распят Сам воплотившийся Бог. И нет более великой жертвы, которую Господь мог бы принести за человека.

Но не слишком ли мы легко принимаем эту величайшую Жертву? Не привыкли ли мы к ней? Не исчезает ли в нас в силу собственной духовной лени шок и потрясение от этой Жертвы? «Я сораспялся Христу. И уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2, 19-20). Вот та жизненная позиция, которая сделала Церковь непобедимой в веках и тысячелетиях среди вражды и соблазнов внешнего мира. Мы искуплены Его Кровью, но мы также должны быть спутниками Ему в Его Крестном пути. Насколько достойно и прекрасно такое состояние духа, то состояние в котором постоянно пребывали апостолы, мученики и все святые. И насколько оно отлично от убогого внутреннего мира современного человека, потерявшего все духовные ориентиры, слепом рабе собственных страстей и чужих мнений.

Современное человечество не только обезбожено: оно обесчеловечено. Бесчеловечность, равнодушие к страданиям других, нежелание помочь, поделиться, выйти навстречу, эгоцентризм и эгоизм приобретают поистине вселенские масштабы. Все труднее бывает в пустыне современного мира встретить человека. Очень часто люди живут так, будто им не придется отвечать за свои грехи, так, будто нет Бога, который дал людям заповеди, установил для них законы и

нравственные правила. Множество людей живет так, будто за порогом смерти ничего не будет. И живут они для себя, для своего удовольствия, для удовлетворения своих человеческих похотей.

К сожалению, эти горькие слова мы можем адресовать не только к неверующим людям, но и к представителям некоторых течений современного христианства. И это главная духовная проблема нашего времени – размытие нравственных основ христианской цивилизации.

Сегодня с глубоким сожалением мы можем констатировать, что острота противостояния между различными христианскими конфессиями проходит не столько по линии богословских споров, сколько в отношении прежде казалось немыслимых вещей - христиане расходятся в понимании нравственного закона. Если несколько десятилетий назад споры о том что грешно, а что праведно, были редки: о чем спорить, если в Библии все сказано предельно понятно, -- то теперь желание ревизии, а точнее сказать, приспособления ясных заповедей Божиих к любым проявлениям человеческой прихоти, разрастается со скоростью раковой опухоли.

И вот уже мировоззренческий и нравственный водораздел пролегает не между верующими и неверующими, а внутри сообщества людей, называющими себя христианами. Часто это можно наблюдать даже внутри одной конфессии. Несколько месяцев назад, выступая в Никейском клубе Англиканской церкви, я говорил о том, что различие во взглядах между членами либерального и консервативного крыла этой церкви больше, нежели различие между англиканами и представителями других конфессий.

Перед миром стоят как никогда серьезные нравственные проблемы. Технический прогресс не облегчил проблему нравственного выбора, но многократно ее усложнил. Появившаяся в середине XX века и шокировавшая мыслителей и философов ситуация, когда человечество оказалось способно уничтожить не только себя, но и всю жизнь на планете, было только первым серьезным сигналом к наступившей эпохе нравственных испытаний. Ядерное оружие явилось видимым знаком тех сил и возможностей, которые оказались выпущены на свободу не готовым к таким испытаниям человеческим разумом.

Происходящие теракты со всей страшной очевидностью показывают драматическое напряжение мировоззренческих полюсов человечества. Столкнувшись с неприкрытой агрессией, общественная мысль пошла самым легким и потому самым непродуманным путем. Провозглашая всепроникающий плюрализм мнений, делая его новой основой мировоззрения, мы не сглаживаем остроту конфликта, но еще более разводим полюса противостояния. Верующие люди разных религий имеют по крайней мере одно общее качество — верность принципам, и в этом они могут найти место для уважения друг друга. Но диалог верующего человека с человеком без принципов невозможен. Здесь непонимание не религиозное, не мировоззренческое, но психологическое,

почти биологическое. Расхождение полюсов предельное.

Чтобы успешно противостоять злу, нам самим надо твердо стоять на позициях добра, а не абстрактного плюрализма. Но как можно говорить о твердой нравственной позиции, если основы основ нравственности размываются и не без участия христианских лидеров? Перед нами стоит задача объединить усилия христиан, стоящих на ясном понимании Слова Божия. Не допускающих размывания его нравственных императивов в угоду духу времени.

Если в какой-либо общине, называющей себя христианской, практикующих гомосексуалистов возводят в сан «епископов», вводится чин благословения однополых союзов, пересматриваются основополагающие библейские нормы, касающиеся брака, семьи, человеческой сексуальности, то можно ли такую общину называть церковью? Это соль, которая потеряла силу, перестала быть соленой, и «уже ни к чему не годна, как разве выбросить ее вон на поприще людям» (Мф. 5, 13).

Водораздел мнений в современном христианском мире сейчас проходит по нескольким важным и простым вопросам — признание или нет абсолютной ценности человеческой жизни и связанное с этим принципом отношение к абортам и эвтаназии; сохранение библейского взгляда на семью и вытекающий отсюда традиционный взгляд на отношения мужчины и женщины; наконец, признание за собой обязанности и просто смелость открыто называть грех грехом.

Для нас должно, наконец, стать очевидным, что скрывается под маской либерализации христианской доктрины, под размыванием христианского нравственного учения. Почему именно эта область христианского богословия стала объектом различного рода экспериментов и релятивизации в ряде протестантских церквей и общин западного мира, а не какая-либо иная? Почему вообще пересмотр христианских нравственных норм стал возможен в этих общинах? Какие силы стояли и стоят за этими процессами, какие цели они преследуют?

Одно из объяснений, далеко впрочем, не единственное, состоит в том, что христианство проповедует воздержание, умеренность, самоограничение, и в этом смысле оно, безусловно, тормозит безудержный рост потребления, на котором основана современная рыночная экономика. И поэтому людей, которые хотели бы устранить его из жизни общества, оказывается немало. Финансово заинтересованные круги постараются исключить влияние христианской этики в сфере экономики и бизнеса, полностью подчинив их основному рыночному правилу: «предложение должно опережать спрос». Они также попытаются эмансипировать сферу эксплуатации человеческой сексуальности от любого рода общественного контроля, в первую очередь, лишить христианские церкви права выражать свою озабоченность по этому вопросу в публичном пространстве.

Что можем противопоставить этим тенденциям мы, христиане, порой столь разобщенные и не имеющие единомыслия не только в богословских, но и в антропологических вопросах?

В своей заботе о сохранении христианских ценностей мы прежде всего должны быть едины. Либеральные тенденции в протестантских и англиканских общинах является вызовом тем христианам и церквам, которые сохранили верность евангельским принципам в вероучении, церковном строе и нравственности. Нам надо искать союзников в противостоянии разрушению самой сути христианства. Одной из основных задач нашей межхристианской работы сегодня должно быть объединение усилий христиан в построении системы солидарности на основе евангельской нравственности. Мы должны защитить христианские ценности от вызовов секуляризма и релятивизма.

Господь каждого из нас поместил в определенную жизненную ситуацию, в которой нас окружают люди, — в семье, на учебе, на работе. И мы должны быть среди этих людей апостолами, проповедниками Христовой Истины. Христианские духовно-нравственные идеалы должны пронизывать всю нашу жизнь. Мы должны быть христианами не только в храме, но и в семье, и на работе, и повсюду, где встречаются нас люди. Мы никому никогда не должны насильственно пытаться навязать христианскую веру, потому что человека невозможно заставить поверить в Бога, так же, как невозможно человеку доказать существование Бога. Но в то же время мы должны научиться так жить, чтобы люди вдохновлялись нашим примером.

Настоящая религиозная жизнь начинается не тогда, когда мы рационально ответим себе на вопрос, есть Бог или Его нет, но тогда, когда мы начнем строить нашу жизнь в соответствии с заповедями Божиими.

Призываю благословение Божие на всех вас, собравшихся здесь.

Источник: <https://mospat.ru/ru/news/55990/>